

ТРАНСФОРМАЦИИ, ТРАНСФОРМЕРЫ И ТРАНСФОРМАТОРЫ ЧТО БУДЕТ ПОСЛЕ СВО?

Заложенная в заголовок игра слов только на первый взгляд носит лингвистический характер. Трансформации – это процессы, трансформеры – это объекты изменений, а трансформаторы (дословно – преобразователи) – это субъекты изменений, те, кто организует процессы в отношении объектов. И, вероятно, рассматривать эту «атомную триаду» нужно в комплексе, поскольку нужно понимать не только трансформацию как вещь в себе и для себя, но и то – кто на нее влияет и на кого она влияет.

XX международные Лихачевские чтения в 2022 году проходили под девизом **«Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка»**. По прошествии трех лет, возможно, стоит зафиксировать, что конфликт пока незавершен (несмотря на попытки новой американской администрации реализовать план под условным названием «Прибыль через мир»), а контуры мира становятся скорее контурами нового мирового беспорядка.

И даже если конфликт вокруг Украины будет заморожен или приостановлен каким-либо образом – это не вернет мир к доконфликтной ситуации просто с другой комбинацией противостоящих блоков. (Кстати, по аналогии с переводом на латиницу в 80-х годах выражения *Perestroika*, известный политолог Евгений Минченко сейчас в описании одного из направлений современной дипломатии использует термин *Dogovornichok*).

На мой взгляд, в Европе запускается процесс пересмотра Общественного договора. И если в период глобализации сокращение социальных гарантий, включая повышение пенсионного возраста, обосновывалось потребностями в росте экономики, то сейчас западные

политики вполне конкретно говорят: необходимо снизить уровень социальных гарантий, государственных социальных расходов, чтобы увеличивать военные бюджеты.

Переговоры с представителями США, разнообразные инициативы Дональда Трампа (которого только крайне наивный человек может считать союзником России) - все это продвигает в обществе мысль о возможном скором или относительно скором завершении СВО. Это не Тридцатилетняя война в Европе в Средневековье (хотя, как и в Тридцатилетней войне, в ней есть если не религиозная, то идеологическая составляющая). Все заканчивается, закончится и СВО. Поэтому имеет смысл заранее задать себе некоторые вопросы о том, как будет организована наша жизнь после того, как завершатся боевые действия. Скажу сразу: не на все вопросы у меня сейчас есть ответы. Но лучше задать вопросы самим себе, чем потом внезапно столкнуться с тем, о чем ты даже не думал. А подумать имеет смысл вот над чем...

Какое идеологическое предложение Россия сформулирует для мира? СССР строил коммунизм. США хотят с подачи Трампа возродить «сияющий город на холме». А мы? Идея традиционных ценностей, как и любая консервативная концепция, исходит из того, что все самое хорошее уже было открыто предками и нужно лишь вернуться к нему. Однако если бы Сергей Королев исходил только из этой установки, в космосе бы нас не было.

Изменится ли с окончанием СВО внутренняя политика в стране? Сейчас есть ряд ограничений, которые вполне логично обосновываются вооруженным конфликтом. А когда конфликт завершится? Будут ли, например, такие же ограничения на массовые мероприятия? Первомайские акции, которые профсоюзы в 2025 году снова превращают из интернет-акций в массовые и публичные, демонстрируют готовность и граждан и

власти аккуратно ослаблять те гайки, которые выглядят «перезакрученными».

В экономике страны с начала ковида усиливается роль государства. Хотя это опровергают, но, по сути, идет процесс изъятия через иски прокуратуры ряда больших предприятий в госсобственность. (Истории о профсоюзной собственности оставим сейчас вне нашего разбора. Хотя на мой взгляд, дело вопиющее). Но продолжится ли такой процесс фактической национализации? Это существенно еще и потому, что влияет не только на то, кому юридически принадлежит предприятие, но и на социальные обязательства.

Какой станет новая идеология России и на каких образах она будет основываться? Сейчас главенствует идея «новой элиты», состоящей из участников СВО. Но многие места начальников уже заняты, и на всех мест не хватит. Получится ли избежать повторения «афганского синдрома» у людей, три года державших в руках оружие? Не услышим ли мы снова фразу «я вас туда не посылал»? С фронта вернутся люди, обоснованно считающие, что они имеют право. Право на что? Пока что речь идет о купировании возможных травматических синдромов у участников СВО. Но только ли речь идет о психологических проблемах. А как быть с их потерянным рабочим местом и квалификацией?

Завершение боевых действий и частичная демобилизация немного уменьшит дефицит кадров. Могут вернуться, пусть и не все, релоканты. И если через некоторое время заработают меры, направленные на повышение рождаемости, работников станет больше. А понимаем ли мы, что рост числа работников при сохранении числа рабочих мест и внедрении автоматизации снова вызовет конкуренцию за рабочие места, а также рост безработицы и торможение сегодняшнего “полуавтоматического” роста зарплаты?

Будет ли интенсифицироваться процесс объединения работодателей под эгидой РСПП? С одной стороны, говорить с одним контрагентом для профсоюзов проще, с другой – это будет более сильный, чем сейчас, контрагент...

Окончание СВО (или точнее заявления о его возможном окончании) уже породили дискуссии о том, как и по какому сценарию в Россию могут вернуться бежавшие отсюда компании. Нужно понимать, что в ситуации, когда есть дефицит рабочей силы, дополнительное предложение вакансий (то есть усиление конкуренции работодателей за имеющиеся трудовые ресурсы) снова приведет к росту зарплат и усилению этого самого дефицита. С точки зрения работников – это скорее хорошо. А с точки зрения эффективного производства и доступа предприятий к финансовым ресурсам при сохранении высокой ключевой ставки? Понятно, что российские компании не хотели бы видеть на внутреннем рынке новых (старых) конкурентов, и для многих из «возвращенцев» новое переобустройство будет искусственно тормозиться или обуславливаться усложненными «дорожными картами» или требованием денежных взносов.

Сегодня, кстати, мы находимся в уникальной ситуации, когда сервисы, доступные для потребителей в России, держатся в зоне доступности за счет не только новых технологий логистики, но и эксплуатации и сверхэксплуатации работников. И если профсоюзы выступают за достойный труд, то одно из его следствий - удорожание продукции и усложнение ее получения потребителем. В таких секторах, как такси, или доставка, или маркетплейсы, создаются профсоюзы, и, как сказано выше, следствие – удорожание и усложнение получения продукции. И нужно уже сейчас не только создавать профсоюзные структуры в этих секторах, но и формулировать внятный ответ, как это повлияет на конечного потребителя.

Определенное «время перемен» происходит сейчас и в профсоюзах. Но это – тема отдельного разговора. Скажу пока только одно. Технологические и управленческие инновации, которые нам необходимы, должны внедряться без потерь уже достигнутого. В конечном счете, профсоюзы тоже должны быть в известной степени консервативны.